

Историческая жизнь алхимии осуществлялась именно *homo faber*'ом, а не «божественным человеком» в духе Данцеля⁴⁶.

«Сам собой» случившийся, коренящийся в природе алхимии отрыв от эмпирической, руками преобразуемой вещественности вынуждает нас вновь спуститься к веществу, обрабатываемому алхимиком вручную. За магией не только угадывался, но виделся мастерок алхимического каменщика. Не важно, что ничего при этом так и не выходило (хотя именно эти неудачи и ставились алхимикам в вину). *Псевдо-Джабиру*, или *Геберу* приписывают такую, например, характеристику алхимиков. *Это люди, пытающиеся получить золото и серебро. Они невежественны и работают, руководствуясь ложными методами. Такие люди либо обманщики, либо обманутые. И тех, и других можно только пожалеть* (ВСС, 1, с. 562—564).

Гордый адепт не хотел, чтобы его жалели. Он собственными руками работал. Мастерил, подражая природе, но и... «химичил». «Алхимичил». И вот мастерок алхимического каменщика-неудачника неожиданно превращался в резец алхимического скульптора, в кисть алхимического живописца. Не дотошное копирование природного образца, а только использование предоставленного природой материала. И потом: «*Substantialis similitudo*» — «*субстанциальное подобие*», когда к образцу примешивается воображение артиста. От *per naturam* к *per artem*. Подражающая обезьяна, которая нет-нет, а что-нибудь такое и выкинет (вспомните образ обезьяны в иконографии готических соборов). Вещь алхимического искусства (*алхимическое золото*) похожа на вещь природы (*естественное золото*) и... не похожа, ибо отмечена неповторимым жестом артиста. Лучше это *золото* или хуже, — не важно. Важно, что оно артистично. Точнее, путь получения его артистичен в отличие от бесстрастного мастерства безошибочно работающей природы. Алхимик — не просто ремесленник. Он — еще и художник. *Художник-ремесленник, искусник (artifex)*. Это обстоятельство точно схватывает противоречивость алхимической деятельности, мятущейся меж мастерком и резцом, кистью маляра и кисточкой пейзажиста. Именно таким и был мастер алхимического средневековья. Высокая умелость при полном неумении что-либо окончательно сделать. Это и отличает алхимическое искусство от простого — в современном смысле — *технэ*⁴⁷.

Глядеть не видя — слушать не слыша. Все умеющий неумейка. Именно таков алхимик. С. С. Аверинцев считает всматривание доминантной чертой греческой культуры (1971б, с. 50—52). Алхимику это не дано.

⁴⁶ Это уже совсем другие люди: месмеристы, спириты и прочее.

⁴⁷ *Технэ* в контексте средневековья и есть нерасторжимый сплав артистизма и ремесла. Лишь «серийное» ремесло — без «бога». Алхимический ремесленный артистизм воспроизводит глубоко личное ремесло средневековья, но таким образом воспроизводит, что наглядно вскрывает его строение, включив еще и Слово в качестве материала. В собственно ремесле Слово — за текстом и потому должно быть примыслено.